

С.В. АКОПОВ*

СУВЕРЕННОСТЬ КАК СИМВОЛИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

Аннотация. Понятие «суверенитет» часто используется и в политической теории, и в практической политике. В качестве теоретического концепта его можно понимать по-разному: как некий заданный принцип международных отношений (К. Уолц), в качестве международного института (Р. Кеохан), социального конструкта (А. Вендт) либо особой практики власти (М. Фуко). Вместе с тем исследователям не до конца ясна связь данного понятия с эмпирической реальностью.

Данная статья опирается на различие между «суверенитетом» и «суверенностью» и рассматривает последний как элемент символической структуры, репрезентирующей себя в рамках перформативного дискурса. Этот дискурс хотя и подвержен исторической трансформации, но укоренен в природе современного политического мифа. Последний же упрочен в символической природе современного человека. В контексте данного исследования под «суверенностью» можно понимать набор перформативных и дискурсивных практик, задающих символический порядок внутри территориальной политики и в ее взаимодействии с аналогичными символическими формами «суверенностей» за пределами рассматриваемого сообщества.

Представленная статья посвящена обсуждению методологических проблем изучения суверенности. На основе анализа современного состояния исследований, в частности, работ Р.Б. Уолкера, И. Баргельсона, С. Вебер, Т. Альбертс, М. Фридена, Р.Н. Лебоу и ряда других авторов, суверенность рассматривается как разновидность перформативной дискурсивной практики, апеллирующей к конструированию и поддержанию коллективной идентичности.

Ключевые слова: суверенитет; государство; дискурсивная практика; идентичность; перформативность; символическая политика.

---

* **Акопов Сергей Владимирович**, доктор политических наук, профессор Департамента прикладной политологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: sergakopov@gmail.com

Для цитирования: Акопов С.В. «Суверенность» как символическая структура // Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 204–220. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.10>

Введение

Понятие «суверенитет» – одно из наиболее активно используемых как в политической теории, так и в практической политике. Например, в обращениях президентов к российскому парламенту, озвученных на протяжении 1994–2018 гг., слово «суверенитет» использовалось 55 раз [см.: Акоров, 2018], и еще два и пять раз соответственно в посланиях 2019 и 2020 гг. В качестве теоретического концепта суверенитет понимают по-разному: как некий заданный принцип международных отношений (К. Уолтц), в качестве международного института (Р. Кеохан), социального конструкта (А. Вендт) либо особой практики власти (М. Фуко) [см.: Ardaу, 2018; Shinko, 2017]. Как отмечает М.В. Ильин, важно внести ясность в понятие «суверенитет» и его соотношение с действительностью. В противном случае слово «суверенитет» рискует употребляться настолько часто, что это может вести не к прояснению, а, наоборот – к затемнению его смысла [Ильин, 2008, с. 14]. Научная проблема здесь заключается в том, что в современной литературе по теории международных отношений принято проблематизировать определение суверенитета в качестве «по самой сути своей оспариваемого и одновременно неоспоримого» (essentially contested and essentially uncontested) явления [см.: Bartelson, 2014]. Это связано с тем, что исследователям не до конца ясна связь понятия «суверенитет» с эмпирической реальностью. Как отмечает голландская исследовательница Таня Аальбертс, понятие «суверенитет» не только описывает окружающую нас реальность, но и само конституирует определенную реальность через символические дискурсивные и перформативные практики политической власти [Aalberts, 2016, p. 184].

Ситуация осложняется неоднозначностью перевода термина на русский язык. Как отмечает Ильин, английское слово *суверенитет* (sovereignty) можно переводить и как «суверенитет», и как «суверенность», а также его следует отличать от понятия «суверена» [Ильин, 2008, с. 19]. Придерживаясь традиции семиотического

и морфологического анализа, Ильин разбирает этимологию понятия суверенитета и выстраивает своеобразную аналитическую иерархию, в которой ближе всего к эмпирической действительности он выделяет понятие «суверен», далее идет «суверенность» и на самой наивысшей ступеньке лестницы абстракции находится собственно «суверенитет» [Ильин, 2008, с. 33]. Согласно дефиниции Ильина, *суверен* (sovereign) – это предельная инстанция, задающая политический порядок в территориальной политике, т.е. высший авторитет, относительно которого осуществляется распределение власти на данной территории. Таким сувереном может стать отдельный властитель, группа политиков или даже аналитически определяемая инстанция, например «народ», от имени которого правомочны действовать те или иные центры власти. В то же время *суверенность* (sovereignty) – это все то, что позволяет именно данной инстанции стать сувереном, т.е. позволяет *задавать порядок* внутри территориальной политики и *взаимодействовать* с властителями других территорий. Наконец, *суверенитет* (также sovereignty) – «общепризнанный политический принцип и закрепляющие его институты, которые не только делают возможным существование суверенов как таковых, но также обеспечивают их устойчивое существование друг с другом» [Ильин, 2008, с. 20–21].

Отталкиваясь от определения М. Ильина «суверенности» как всего того, что позволяет именно данной инстанции стать сувереном, т.е. позволяет *задавать порядок* внутри территориальной политики, справедливо предположить, что задавать *порядок* внутри территориальной политики можно очень разными, в том числе и символическими, способами.

Такая постановка вопроса опирается на обширную литературу, анализу которой и посвящена настоящая статья. В ее первой части мы рассмотрим суверенность как элемент символической структуры, воплощающей и обнаруживающей себя в рамках дискурсивной и перформативной практики, подверженной исторической трансформации. Во второй части мы сфокусируемся на суверенности как перформативной практике по конструированию коллективной идентичности.

Суверенность как дискурсивная и перформативная практика

Анализ литературы показывает, что задавать порядок внутри территориальной политики можно символическими средствами языка, например, через дискурсивные практики, оформляющие и продвигающие те или иные символические репрезентации суверенитета. Именно такая меняющаяся и постоянно (ре)конструируемая средствами языка природа традиционного Вестфальского суверенитета стала предметом исследования известного политического философа Роба Уолкера. Произведя деконструкцию деления мира на внутри- и внешнеполитические составляющие, Уолкер вскрыл традиционные дихотомии и дискурсивные основания деления политического мира на «внутреннее» и «внешнее». «Внутреннее» традиционно характеризуется и конструируется в терминах «порядка», «доверия», «лояльности» или «прогресса», в то время как контрастирующее с внутренним «внешнее», согласно Уолкеру, дискурсивно оформляется через понятия «конфликта», «недоверия», «принципа самопомощи» (self-help) и «анархии». Уолкер, таким образом, обращает внимание на устаревание такого традиционного со времен Вестфальской эпохи дихотомического противопоставления «внутреннего» и «внешнего», постепенно перестающего отражать меняющуюся природу суверенитета в современной Европе [Walker, 1993, p. 159].

Понимание «суверенности» как дискурсивных практик, оформляющих и продвигающих те или иные символические репрезентации суверенитета, вполне вписывается в определение символической политики как деятельности, «направленной на производство и продвижение / навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности» (Малинова, 2010, с. 93.). В этом смысле суверенность как символическая структура (а также набор дискурсивных практик по ее продвижению) становится одной из важных сцен символической борьбы, «навязыванием легитимного видения социального мира» и даже ареной «символического насилия» (в понимании П. Бурдьё).

Что же такое – эти дискурсивные практики? Вслед за М. Фуко австралийские ученые Карол Баччи и Дженнифер Бонхам предлагают понимать дискурсивные практики «как правила или, точнее, набор рутинизированных множеств гетерогенных отноше-

ний между телами, вещами, действиями, понятиями и т.д. при работе по формированию и функционированию дискурса, понимаемого как знание» (Bacchi, Bonham, 2014, p. 183). Мы помним, что у Мишеля Фуко одной из целей анализа дискурсивных практик было выявление «исторического бессознательного» разных эпох. Могут ли такие дискурсивные практики обладать символической нагрузкой? Безусловно да, так как дискурс и практики неразделимы, ибо любые «высказывания» (statements) одновременно являются актами (практиками), иницирующими целые поля взаимосвязей, изначально пронизанных взаимоотношениями власти. Такие «высказывания» (например, на тему «суверенитета») являются одновременно и дискурсивными практиками, символически предписывающими определенные субъектные позиции, т.е. предполагающие модальности, побочно конституирующие отношения власти [Ibid., p. 185].

Однако суверенность – это не просто дискурсивная, но еще и перформативная практика. Свойство перформативности проявляется в том, что дискурсивные практики суверенности сразу включают в себя сеть правил или наборов отношений, которые определяют в обществе не только то, что оказывается осмысленным, но и даже полномочия, которые могут быть присвоены «тому, что сказано», иначе говоря, правила, которые заставляют воспринимать «говорящего всерьез» [Ibid., p. 187].

На наш взгляд, перформативность дискурса о «суверенности» как раз заключается не столько в контенте «высказывания», сколько в его способности создавать или возобновлять властные связи и на уровне дискурса предписывать участникам политической коммуникации определенные субъектные позиции (в том числе через «продвижение» определенных моделей политической идентификации). Конечно, такие связи произвольны, и, вероятно, лимитированы имеющимися у сторон материальными и другими ресурсами (в том числе доступ к аудитории через СМИ и т.д.). Вместе с тем, согласно Баччи и Бонхам, порождение «реальности» всегда имеет властное и политическое измерение, и, более того, носит характер, принципиальным образом объединяющий материальное и символическое (bridging a symbolic-material division) [Ibid., p. 191].

* * *

Итак, мы описали суверенность как дискурсивную практику. Однако далеко не все дискурсивные практики перформативны. Изначально понятие «перформативность» было введено английским философом языка Джоном Остином, который уточнил такие более ранние концепты, как «перформативное произнесение» (utterance), «перформативное предложение» или «перформаторность» (performatory) до более краткого понятия «перформатив» (performative). Тем самым Остин указал, что некоторые высказывания (например, публичное принесение клятв) являются по сути своей также одновременно и *произведением действий* (performing an action) [Austin, 1975, p. 6–7]. Такой «перформатив» представляет собой *подвид речевого акта* в форме фразы-действия. На наш взгляд, публичная констатация суверенности может играть роль подобного перформатива, т.е. представлять собой *перформативную практику*, подразумевающую действия по установлению той или иной формы суверенности.

Как и любая другая концепция, понятие «суверенитет» призвано структурировать реальность вокруг нас. Однако за этим стоит более сложный вопрос о том, как «суверенитет» коррелирует с эмпирической реальностью. Ссылаясь на аналитическую философию Л. Витгенштейна, эксперт из Нидерландов Тания Аальбертс указывает на перформативный характер суверенитета. По ее мнению, «суверенитет» не только описывает, но и *представляет собой* определенную реальность [Aalberts, 2016, p. 184]. Более того, хотя суверенитет, как правило, рассматривается как основополагающий принцип современного государства, нет всеобъемлющего описания суверенитета, который универсально применим ко всем случаям государственности. Поэтому суверенитет не имеет четкой корреляции с каким-либо конкретным объектом референта: «Хотя мы можем перечислить многие вещи, которые тесно связаны с символами или проявлениями суверенной государственности, – такими, как армии, граждане, посольства или монархические ритуалы, – ни одна из них не охватывает понятия *суверенитет* полностью. Точно так же, – считает Аальбертс, – суверенитет относится и ко многим *нематериальным* элементам – например, верховенству (supremacy), территориальности, юрисдикции, автономии, но при этом ни один из них не эквивалентен суверенитету в целом. Ско-

рее, как и любая концепция, суверенитет связывает друг с другом сразу несколько элементов, несколько аспектов и опытов. Более того, эти элементы могут быть идентифицированы именно в качестве “территории” (а не просто почвы) или “граждан” (а не просто случайных людей) именно в силу суверенной государственности как института международного сообщества. И, что важно, сам суверенитет является продуктом такой *теоретической конфигурации*» [Aalberts, 2016, p. 184].

В том же духе рассуждает и шведский специалист по изучению суверенитета Йенс Бартельсон, предложивший думать о «суверенитете» как о сети понятий, каждая из которых порождает элементы, которые все приобретают одновременный смысл лишь в рамках определенной исторической и теоретической структур [Bartelson, 2014, p. 14]. Заимствуя понимание символических форм у Э. Кассирера, Бартельсон полагает, что «суверенитет – это *символическая форма*, посредством которой люди на Западе воспринимали и организовывали свой политический мир в период Модерна» [Ibid.]. Причем «мы не можем утверждать, что знаем, что означает суверенитет в данном контексте, без того, чтобы не иметь *имплицитное* представление о том, что такое есть суверенитет в конечном счете» [Ibid., p. 2].

Согласно Бартельсону, концепция «символических форм» относится к конкретным структурам, используемым для организации в умопостигаемые единства (intelligible wholes) того, что в противном случае оставалось бы беспорядочным опытом. «Эти структуры можно понимать как *способы объективации*, которые позволяют нам объединять элементы опыта в соответствии с общими принципами, открытыми для бесконечной модификации, и существующими независимо от их конечных результатов» [Ibid., p. 14]. Поясняя свою мысль о суверенитете как символической форме, Бартельсон проводит аналогию с геометрическими фигурами. Если мы мыслим суверенитет как некий план или проект *восприятия и организации политического мира*, то вопрос о его «реальности» не так принципиален [Ibid., p. 14]. Важно разобраться в том, каков общий принцип создания геометрических форм, и какие формы, помимо треугольника – условно говоря, «квадратные» или «трапециевидные» – бывают.

Той же логике следуют Томас Биерстекер и Синтия Вебер, рассматривая суверенитет как дискурсивную практику, обеспечи-

вающую государству символическую репрезентацию воли «народа». Поскольку такая символическая репрезентация воли «народа» не очевидна, то принято считать, что суверенитет в значительной мере может быть продуктом социального конструирования: «Идеал государственного суверенитета – продукт действия влиятельных акторов и их сопротивления активности тех, кто находится на периферии власти» [State Sovereignty ..., 1996, p. 3]. Синтия Вебер даже назвала такое конструирование «симулякром», «имитацией суверенитета». Она полагает, что суверенитет может представлять собой, в частности, символический способ репрезентации, позволяющий государству говорить от имени «народа» [см.: Weber, 1992, p. 199–216]. Успешное использование риторики «суверенитета», по мнению исследовательницы, даже может анализироваться в качестве «перформативных воплощений» (performative enactments) государственного суверенитета, своего рода «симулирования суверенитета» со стороны различных «перформативных государств» [см.: Weber, 1998, p. 92].

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что «суверенитет» может выступать в виде символической формы, выраженной с помощью языка, – например, в форме риторической фигуры, тропа [Aalberts, 2016, p. 195], а также обладающей свойством перформативности [см.: Ibid., p. 192]. Перформативный характер понятия суверенитета выражается в том, что оно не столько описывает реальность, сколько само по себе является (политическим) действием в направлении построения «какой-либо» реальности. Наподобие клятв, приказов, обещаний или предупреждений у Д. Остина, в нашем случае провозглашение суверенности также является речевым актом, равноценным поступку. Здесь важно особо подчеркнуть, что согласно приведенному определению перформативности, перформативный акт (в отличие от описанных Остином «констативов») невозможно оценить на предмет его истинности или ложности. Однако можно выявить условия успешного употребления перформативного акта – так как в конечном итоге перформативы базируются на укоренившейся *системе принятых в конкретном обществе норм и ценностей*. Таким образом, принимая во внимания разработки вышеупомянутых авторов, в контексте данного исследования *под «суверенностью» можно понимать набор перформативных и дискурсивных практик, задающих символический порядок внутри территориальной политики и в ее взаимодействии с*

аналогичными символическими формами «суверенностей» за ее пределами.

Суверенность и конструирование коллективной идентичности

Когда мы смотрим на суверенитет как дискурсивную практику, перформативно предписывающую определенные субъектные позиции (и одновременно как модальность, конституирующую отношения власти), мы понимаем, что такие предписания должны на что-то опираться. Чтобы быть реализованными, они должны основываться на готовности адресатов принять предлагаемые им политические позиции. То есть должна присутствовать «имплицитная» (пользуясь выражением Бартельсона) лояльность потребителей предписаний той или иной символической форме «суверенности». Должна наличествовать изначальная (историческая) предрасположенность адресатов перформативных практик суверенности определенной модели *политической идентификации*. В этом смысле это может быть объективным ограничителем успешной трансляции того или иного способа суверенности в публичном пространстве (в процессе политической коммуникации).

При этом важно помнить, что в широком смысле политическая идентификация включает в себя не только проекции в политическую сферу национально-цивилизационных, этнонациональных, расовых, религиозных, территориальных, гендерных, культурных и других социальных идентификаций [Семененко, 2012, с. 72], но и процесс осознания людьми своей собственной «самобытности» [см.: Елисеев, 2005]. В последнем случае особенно важна роль нарративов суверенности, т.е. речь идет о конструировании субъектом некоего рассказа о себе в процессе осознания им уникальности собственного опыта, так как политическая идентификация, оформленная в виде нарративов, облегчает интернализацию когнитивных схем и поведенческих моделей, присущих конкретному политическому сообществу.

Однако такие каналы индивидуальной самоидентификации индивидов опосредованы формами коллективного воображения, так как последние являются способами связи и организации властных отношений в конкретных сообществах. Более того, идентификация с одним и тем же сообществом (в коллективном воображе-

нии этого сообщества) происходит по разным лекалам, что может обуславливать дилеммы макрополитической идентичности, в современном российском контексте, например, это будет дилемма идей нации или цивилизации [Малинова, 2012, с. 353–354]. На наш взгляд, различные дискурсивные практики суверенитета как раз могут быть исследованы в качестве вариантов подобных лекал, по которым индивидам предлагается строить свою идентификацию с политическими сообществами на основе определенной символической формы «суверенности».

Следует отметить, что опубликованные в 1992 г. идеи С. Вебер о символической репрезентации и «символическом» конституировании суверенитета были относительно новыми в теории международных отношений применительно к проблемам политической идентичности. Однако еще раньше американский социолог Эрвин Гоффман, а чуть позже – философ Джудит Батлер писали о том, что сила языка может выполнять перформативную роль в процессе конституирования идентичностей. В феминистской теории Батлер это, прежде всего, перформативность гендерной идентичности – телесных и дискурсивных практик в рамках ее теории гендерной идентичности [Butler, 1990, p. 136], которая затем развилась в ряде классических работ по феминистской теории международных отношений в концепции интерсекциональности [см.: Crenshaw, 1991]. Представляется, что по причине неизбежности для любого человека процесса его идентификации с политическим сообществом, точно так же неизбежным оказывается и наличие в сообществе того или иного типа «суверенности», под которым мы по-прежнему понимаем непреложный способ *задавать тот или иной порядок* внутри политики. Более того, сама риторика о суверенитете – в силу перформативности ее природы – также может представлять собой символический способ *задавать такой порядок*. Иллюстрацией тому может служить высказывание президента Франции Эммануэля Макрона: «Соединенные Штаты – наш исторический союзник, но быть союзником – не значит быть вассалом, мы не должны зависеть от них... Я *верю* в европейский суверенитет»¹.

---

¹ Подробнее о других метафорах суверенности в этой же речи французского президента см: Retrouvez les principales déclarations d'Emmanuel Macron sur TF1 depuis le porte-avions «Charles-de-Gaulle» Le Monde. 14 Novembre: – Mode of

Этот пример показывает, что суверенность декларируется как попытка представить что-то условное и конвенциональное (например, то или иное лекало восприятия политического прошлого) как безусловный, естественный, универсальный или даже единственный «нормальный» политический порядок. Таким образом, перформативные практики суверенности могут быть направлены на воспроизводство или оформление доминирующих способов *политического воображения* – национального, цивилизационного, транснационального или космополитического. Таким образом, дискурсивные практики и символические формы «суверенности» оказываются тесно переплетенными с моделями политической идентификации, и можно рассматривать суверенность как перформативную дискурсивную практику по конструированию коллективной идентичности.

В этом утверждении можно опереться на разработки М. Фридена и Р. Лебоу. Оба теоретика указывают на связь суверенности и политической идентичности. Согласно мнению М. Фридена, коллективная идентичность – это набор глубоко укоренившихся культурных, религиозных, гендерных и этнических атрибутов и привязанностей. И мышление в категориях суверенитета – это, собственно, и есть политическая инкарнация и воплощение таких привязанностей, выступающее в качестве юридической и формальной, а также «*мифической*, консолидирующей защитной структуры» [Freedon, 2013, p. 120].

Схожим образом ставит вопрос профессор Королевского колледжа Лондона Ричард Нед Лебоу. По мнению Лебоу, концепция суверенитета послужила правовой основой для государства и дала руководителям государства почти неограниченное право действовать по собственному усмотрению в пределах собственных границ. Более того, теория суверенитета также оправдывала использование силы за пределами национальных границ ради национальных интересов, если это согласовалось с законами военного времени. Суверенитет, полагает Лебоу, – это теория с довольно разнообразным и даже «мутным» (*turky*) происхождением, которая впервые была популяризирована в XVII в. В то время больше внимания уделялось внутренним, нежели международным послед-

ствиям имплементации теории суверенитета. Рассуждая о теории суверенитета, зародившейся в Новое время в Европе в работах Гроция, Гоббса и Пуфендорфа, Лебоу видит в этом принципе феномен наделения государств «моральными персонами», самосоздающими и поддерживающими себя через взаимное принятие между собой прав и обязанностей [Lebow, 2016].

Лебоу считает, что нарратив о суверенитете, который узаконил накопление власти центральными органами государства и изображал государство как единственное сосредоточение экономической, политической и общественной жизни народа, развился под влиянием Канта, Гегеля, а также других юристов и историков XIX–XX вв. (Клаузевиц, Ранке). Таким образом, отмечает Лебоу, идеология суверенитета сделала бинарность «мы» и «другие» кажущимся естественным и даже прогрессивным принципом [Ibid.]. Именно такое бинарное мышление в свое время исключило Россию и Османскую империю из круга европейских и христианских государств в качестве «других» [Ibid.].

Лебоу выделяет две модели формирования коллективной политической идентичности. Первая связана с принципом формирования чувства «мы» против внешних «других», вторая же – со стремлением к повышению самооценки. По мнению Лебоу, социальные идентичности могут играть роль буферов, снижающих тревожность и взращивающих чувство собственного достоинства, позволяя людям «греться в лучах славы» и достижений той группы, с которой они себя решили идентифицировать. И борьба за честь и достоинство, и страх перед внешними врагами выступают как инструменты конструирования коллективной идентичности [Ibid.].

Представляется, что обе описанные у Лебоу модели формирования коллективной идентичности можно связать с дискурсивными практиками и символическими формами суверенности. Только в первом случае (формирования чувства «мы» против внешних «других») символические репрезентации суверенитета опираются на то, что Уолкер ранее охарактеризовал как дискурсивное оформление внешнего измерения суверенности – «конфликта», «недоверия» и «принципа самопомощи». Что касается «стремления к повышению самооценки», то здесь суверенность перформативно задается через то, что Уолкер связал с понятиями «порядка», «доверия», «лояльности» внутри политического сообщества. Таким образом, модель формирования коллективных

идентичностей Лебоу иллюстрирует традиционные дихотомии и дискурсивные основания деления политического мира на «внутреннее» и «внешнее», намеченные ранее в конструктивистских исследованиях природы суверенитета Р.Б. Уолкером.

Заключение

Проделанный нами анализ литературы позволяет выделить ряд оснований символического порядка суверенности. Первым основанием служат дискурсивные практики, оформляющие суверенность в символическую структуру. Эти языковые практики способствуют продвижению того или иного типа понимания суверенности, параллельно делая дискурс о суверенности сценой символической борьбы по навязыванию разных способов (легитимного) видения социального мира. Например, суверенность может рассматриваться как дискурсивная практика, обеспечивающая символическую репрезентацию воли «народа» в лице конкретного государства и его элит.

Во-вторых, помимо непосредственно «контента» высказывания дискурс о суверенности обладает еще и перформативным свойством. Это означает, что каждый новый факт публичного воспроизведения того или иного способа артикуляции суверенности одновременно становится политическим перформативом – актом (практикой), инициирующим целые поля взаимосвязей, изначально пронизанных определенными субъектными позициями влияния и авторитета. Последнее приводит к тому, что любые высказывания на тему «суверенитета» сразу превращаются в практики, символически легитимирующие и воспроизводящие старые (либо предписывающие новые) модальности властных отношений. Скорее всего, это связано с тем, что понятие «суверенитета» не только описывает, но и само одновременно конституирует определенную реальность через символические практики политической власти.

Логично, что, в-третьих, те или иные воплощения суверенности в качестве дискурсивной и перформативной практик будут непосредственно влиять на конструирование тех или иных моделей политической идентичности. Представляется, что по причине неизбежности для любого человека его идентификации с политическим сообществом, точно так же неизбежным оказывается и на-

личие в сообществе того или иного типа «суверенности». Последняя декларируется как попытка представить что-то условное и конвенциональное (например, то или иное лекало восприятия политического прошлого) как безусловный, естественный, универсальный или даже единственный «нормальный» политический порядок. Таким образом, перформативные практики суверенности могут быть направлены на оформление доминирующих способов коллективного воображения, в котором задаются модели, по которым индивидам предлагается строить свою идентификацию с государствами или другими значимыми акторами мировой политики. В результате дискурсивные практики и символические формы «суверенности» оказываются тесно переплетенными с моделями политической идентификации, и можно рассматривать суверенность как перформативную дискурсивную практику по конструированию последней.

Список литературы

- Елисеев С.М.* Рецензия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2005. – № 1. – С. 241–245. – Рец. на кн.: Попова О.В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – 257 с.
- Ильин М.В.* Суверенитет: развитие понятийной категории // Суверенитет. Трансформация понятий и практик / под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. – М.: МГИМО, 2008. – С. 14–42.
- Малинова О.Ю.* Между идеями нации и цивилизации: дилеммы макрополитической идентичности в постимперском контексте // Политическая идентичность и политика идентичности / отв. ред. И.С. Семенов. – М.: РОССПЭН, 2012. – Т. 2. – С. 332–354.
- Малинова О.Ю.* Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 90–105.
- Семенов И.С.* Политическая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности / отв. ред. И.С. Семенов. – М.: РОССПЭН, 2012. – Т. 1. – С. 71–76.
- Aalberts T.* Sovereignty // Concepts in World Politics Concepts in World Politics [Internet]. – SAGE Publications Ltd, 2016. – P. 183–199. – DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781473921436.n11>
- Akopov S.* «Duty» and «Blame» in Russian Official Symbolic Representations of Sovereignty (1994–2018). – 2018. – April 13. – (Higher School of Economics Research Paper; No. WP BRP 61/PS/2018). – DOI: <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3162008>

- Austin J. How to do things with words. – Oxford: Oxford university press, 1975. – 192 p.
- Ardau C. Articulations of Sovereignty // Oxford Research Encyclopedia of International Studies [Internet]. – Oxford: Oxford university press, 2018. – DOI: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.375>
- Bacchi C., Bonham J. Reclaiming discursive practices as an analytic focus: Political implications // Foucault Studies. – 2014. – N 17. – P. 173–192. – DOI: <https://doi.org/10.22439/fs.v0i17.4298>
- Bartelson J. Sovereignty as symbolic form (critical issues in global politics). – L.; N.Y.: Routledge, 2014. – 134 p.
- State Sovereignty as Social Construct / Ed. by T.J. Biersteker, C. Weber. – Cambridge: Cambridge university press, 1996. – 316 p.
- Bulter J. Gender trouble: feminism and the subversion of identity. – N.Y.: Routledge, 1990. – 272 p.
- Crenshaw K. Mapping the Margins: intersectionality, identity politics, and violence against women of color // Stanford law review. – 1991. – N 43 (6). – P. 1241–1299. – DOI: <https://doi.org/10.2307/1229039>
- Freeden M. The political theory of political thinking: the anatomy of a practice. – Oxford: Oxford university press, 2013. – 358 p.
- Lebow R. National identities and international relations. – Cambridge: Cambridge university press, 2016. – 280 p. – DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781316710982>
- Shinko R. Sovereignty as a problematic conceptual core // Oxford research encyclopedia of international studies [internet]. – Oxford: Oxford university press, 2017. – DOI: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.300>
- Weber C. Performative states // Millennium: Journal of international studies. – 1998. – Vol. 27, N 1. – P. 77–95. – DOI: <https://doi.org/10.1177/03058298980270011101>
- Weber C. Reconsidering statehood: Examining the sovereignty / intervention boundary // Review of international studies. – 1992. – Vol. 18, N 3. – P. 199–216. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s0260210500117231>
- Walker R. *Inside/Outside: International Relations as Political Theory*. – Cambridge: Cambridge university press, 1993. – 233 p. – DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511559150>

S.V. Akopov*

Sovereignty as a symbolic structure

Abstract. Today, the concept of «sovereignty» is one of the most actively used, both in political theory and in practical politics. Sovereignty as a theoretical concept can be understood in different ways: as a given principle of international relations (K. Waltz), as an international institution (R. Keohan), a social construct (A. Wendt), or

---

* **Akopov Sergei**, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russia), e-mail: sergakopov@gmail.com

a special practice of power (M. Foucault). At the same time, it is not entirely clear to researchers exactly how the concept of «sovereignty» reflects the empirical reality surrounding us.

This article is based on the distinction between «sovereignty» as a recognized principle of international theory (Russian – *suverenitet*) and «sovereignty» as an element of a symbolic structure that represents itself in the framework of performative discourse. This discourse, although a subject to historical transformation, is rooted in the nature of modern myth. The latter is reinforced with the symbolic nature of modern man. In the context of this study, «sovereignty» can be understood as a set of performative and discursive practices that define a symbolic order within community and it's interactions with symbolic forms of «sovereignty» beyond the community.

The article is devoted to a discussion of the methodological problems of studying sovereignty as a symbolic structure. Based on the analysis of the current state of research in particular, the works of R.B. Walker, I. Bartelson, C. Weber, T. Alberts, M. Freedon, R.N. Lebow, G. Wydra and several other authors, sovereignty is seen as a form of performative discursive practice that appeals to the construction and maintenance of collective identity.

Keywords: sovereignty; state; discursive practice; identity; performativity; symbolic politics.

For citation: Akopov S.V. «Sovereignty» as a political structure. *Political science (RU)*. 2020. N 2. P. 204–220. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.10>

References

- Aalberts T. Sovereignty. In: *Concepts in world politics concepts in world politics* [Internet]. SAGE Publications Ltd., 2016, P. 183–199. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781473921436.n11>
- Akopov S. «Duty» and «Blame» in Russian Official Symbolic Representations of Sovereignty (1994–2018) (April 13, 2018). Higher School of Economics research paper No. WP BRP 61/PS/2018. DOI: <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3162008>
- Ardaul C. Articulations of sovereignty. In: *Oxford research encyclopedia of international studies* [internet]. Oxford: Oxford university press, 2018. DOI: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.375>
- Austin J. *How to Do Things with Words*. Oxford: Oxford university press, 1975, 192 p.
- Bacchi C., Bonham J. Reclaiming discursive practices as an analytic focus: Political implications. *Foucault Studies*. 2014, N 17, P. 173–192, April. DOI: <https://doi.org/10.22439/fs.v0i17.4298>
- Bartelson J. *Sovereignty as symbolic form (critical issues in global politics)*. London; New York: Routledge, 2014, 134 p.
- Biersteker T., Weber C. (eds.) *State sovereignty as social construct*. Cambridge: Cambridge university press, 1996, 316 p.
- Butler J. *Gender Trouble: Feminism and the subversion of identity*. N.Y.: Routledge, 1990, 272 p.

- Crenshaw K. Mapping the margins: intersectionality, identity politics, and violence against women of color. *Stanford Law Review*. 1991, 43 (6), P. 1241–1299. DOI: 10.2307/1229039
- Eliseev S. Review of the monograph by O.V. Popova «Political identification in the transformation of society». *Political expertise: POLITEX*. 2005, N 1, P. 241–245 (In Russ.)
- Freeden M. *The political theory of political thinking: The anatomy of a practice*. Oxford: Oxford university press, 2013, 358 p.
- Il'in M. Sovereignty: the development of the theoretical category. In: Il'in M.V., Kudryashova I.V. *Sovereignty. The transformation of the concepts and practices*. Moscow: MGIMO, 2008, P. 14–42. (In Russ.)
- Lebow R. *National identities and international relations*. Cambridge: Cambridge university press, 2016, 280 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781316710982>
- Shinko R. Sovereignty as a problematic conceptual core. In: *Oxford research encyclopedia of international studies [internet]*. Oxford: Oxford university press, 2017. DOI: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.300>
- Malinova O. Between the ideas of a nation and civilization: the dilemmas of macro-political identity in a post-imperial context. In: *Political identity and identity politics. Vol. 2*. Moscow: ROSSPEN, 2012, P. 332–354. (In Russ.)
- Malinova O.Yu. Symbolic politics and the constructing of macro-political identity in post-soviet russia. *Polis. Political Studies*. 2010, N 2, P. 90–105. (In Russ.)
- Semenenko I. Political identity. In: *Political identity and identity politics. Vol. 1*. Moscow: ROSSPEN, 2012, P. 71–76. (In Russ.)
- Weber C. Performative states. *Millennium: journal of international studies*. 1998, Vol. 27, N 1, P. 77–95. DOI: <https://doi.org/10.1177/03058298980270011101>
- Weber C. Reconsidering statehood: Examining the sovereignty / intervention boundary. *Review of international studies*. 1992, Vol. 18, N 3, P. 199–216. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0260210500117231>
- Walker R. *Inside/Outside: international relations as political theory*. Cambridge: Cambridge university press, 1993, 233 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511559150>